

СУББОТНЯЯ ВСТРЕЧА

Моск. Комсомолец - 2000 - 15.05.02

— Валерий Борисович, в программе "Первые лица" на канале ТНТ вы сказали, что считаете себя эффектным мужчиной, при этом как будто пошляк над собой, с подтекстом...

— Это составная моей профессии. Я состою в мужской части актерской профессии.

— Но вы относите себя к женской?

— Это Анатолий Васильевич Эфрос как-то сказал, что актер — это женская часть человечества. Он не хотел унижить эту категорию людей, наоборот, в этом есть пафос и очень глубокий смысл. Речь идет о женщине как о прекрасной половине человечества, она и вздорна, и непредсказуема, очаровательна, великолепна и загадочна. Мне кажется, когда мужчина-актер обладает подобными качествами, это, по-моему, замечательно.

— Что по поводу Васильевой? Ваша творческая жизнь связана с этой замечательной женщиной?

— Естественно, мы с ней работаем уже четыре спектакля. В течение четырех лет мы каждый год выпускаем с ней по спектаклю, где участвуем в разных качествах, разыгрываем разные взаимоотношения. То мы мужчина и женщина без имени, то она играет пациентку... Мы выступаем с ней на сцене в разные взаимоотношения — и сексуальные, и человеческие.

— Кстати, из-за этих самых сексуальных взаимоотношений вы стали предметом светской хроники?

— Да.

— Вас для какой-то газеты засняли, когда вы имитировали на сцене совершение интимного действия между двумя полами?

— Как бы точнее не выразиться, да?.. Вы имеете в виду эту публикацию в газете... Дело в том, что они совершили просто подлый поступок. Понимаете, такая ситуация: мы должны быть обнажены. Все происходит на темной сцене, где просто фонариком высвечиваются какие-то части тела, иногда попадают гениталии, чуть-чуть мелькают. Какой-то наглец взял и сделал в этот момент фотографию со вспышкой. В спектакле это практически и не читается как порнографическая сцена, это самая смешная и веселая сцена. Обнаженный человек — это не есть порнография, еще может быть и очень смешно. Если убрать эту сцену, то спектакль потеряет очень много в художественном восприятии.

— Вы актер прежде всего комедийный?

— Инна Михайловна Чурикова сказала очень хорошо: "У меня есть поле, где я очень давно паху". Вот и я вспахиваю какую-то часть, несколько гектаров этой пашни. Это поле называется трагикомедия. Хороший артист умеет совмещать в себе то, что есть в нашей жизни. Жизнь, не надо особенно даже вокруг смотреть, достаточно просто включить телевизор, и вы поймете, что мы живем в трагическое время. Это все рядом, все близко. Кстати, начало трагикомедии в искусстве положил Чаплин.

— Вы так считаете, вы сами до этого дошли?

— Нет, это я просто много книжек читаю. Обожаю латиноамериканскую литературу.

— Почему именно она вас привлекает?

— Она особенно отличается от западной и от русской традиции литературным осмыслением мира.

— Вы были влюблены в Татьяну Васильеву?

— У нас особый случай. Я вам объясню. У нас могло бы быть с ней все, что может быть между мужчиной и женщиной или между артистом и артисткой, тут все этапы могли бы быть пройдены. Но мы ни один из этих этапов не прошли. Поразительно, что как только мы подходили к границе, когда наступают эти взаимоотношения полов, мы их мудро избегали. Я прекрасно понимаю, что как только мы это совершим, наш дуэт распадется.

— Вы очень эмоциональный, вспыльчивый?

— Я темпераментный человек. Иначе я не работал бы в этом деле.

— У вас бывает, что просто дух вон, нет сил эмоциональных, душа устала?

— Мне ничто человеческое не чуждо. Иногда владаешь в депрессию. Вот поэтому-то я и бросил пить, потому что тут речь шла о депрессивном синдроме. Природа, она любит равновесие, она не терпит перекосов. Как только что-то перевешивается, начинаются катаклизмы. Поверьте мне, когда существует душевное равновесие, то ведь и живет хорошо.

— Спектакля "Ревизор" долгие годы после смерти Андрея Миронова не было в репертуаре Театра сатиры, его восстановили исключительно под вас, под вашего Хлестакова?

— Так нельзя сказать не потому, что я не хотел бы быть артистом, под которого что-то делают. Валентин Николаевич Плучек очень любил и любит эту пьесу. Для исторической справки: его творческий путь начался именно с этого автора. Он когда-то играл в легендарном спектакле Всеволода Мейерхольда — выскакивал из тумбочки, будучи 15-летним юношей. Он начал свой путь с Гоголя и считает, что одна из последних его работ тоже должна быть по Гоголю. Он считает, что эта пьеса не раздана. Я считаю Гоголя первым абсурдистом человечества. Это замечательный автор, почему бы его и не поставить? Тем более, мое желание сыграть Хлестакова было огромным. Наши интересы совпали в том, что мы делали пьесу не про Хлестакова, а про Гоголя.

— Вам больше нравятся неконкретные, абсурдные роли?

— Да, я люблю работать в трагикомическом и нетрадиционном театре. Если вы придете на спектакль "Стриптиз" Мрожека, который я вот уже десять лет играю в студии "Человек", там есть ответ на этот вопрос. Два раза в месяц обязательно прихожу в эту студию, как больной какой-то неизлечимой болезнью приходит, чтобы обновить кровь, изменить опять свой ДНК, очиститься, а потом опять идти во все тяжкие по городам и весям. В этом спектакле нет традиции, нет псевдопсихологического театра, где я страдал, и так далее. Мне кажется, с людьми всех слоев населения нужно разговаривать не на языке, который используется в подзахлах, в метро и так далее, а выбирать образ, который им доступнее всего. Какой? Загадочный, непонятный — это привлекает внимание, сосредоточивается на непонятном и загадочном. Когда что-то нелогично, приходится смотреть и разбираться, даже если ничего не понятно, заставляя их долго всматриваться в это. Когда все просто, когда она страдает, потому что он ушел, интерес теряется, и зритель переключает телевизор или уходит из зрительного зала. Ему уже ясно приблизительно, чем все это может закончиться.

— Какие самые любимые ваши роли, где вам приходилось придумывать загадки для зрителя?

— Пожалуй, с Таней Васильевой в спектакле "Все, все, все...". Это была очень хорошая работа.

— Как вы репетировали с Татьяной Васильевой эту самую эротическо-сексуальную сцену?

— Репетировали в трусах, как только была премьера, мы сняли трусы, если вас это интересует.

— Это шутка, но я хочу сказать, что я очень люблю эту работу. Если у кого появится желание и возможность посмотреть этот спектакль — пожалуйста, на новой сцене Таганки. Но до сих пор нельзя попасть на этот спектакль, он пользуется успехом не только, я вас уверяю, из-за этой сцены.

— Там есть глубокое содержание, Валерий Борисович?

— Я сейчас покажусь чересчур серьезным, но мне кажется, что пьеса подводит какую-то черту, итог всем взаимоотношениям мужского и женского пола на одной шестой части суши.

— И какой же итог?

— Печальный. Много женского в мужском, много в мужском женского.

— В вас много женского?

— Во мне? Смотря что называть мужским и женским, во всяком случае... Вы имеете в виду гомосексуализм?

— Да, как вы себя чувствуете от гомосексуализма?

— Меня не надо сдерживать, я туда не рвусь, поэтому особенно сдерживать и не надо.

— Вы в своей жизни часто совершали мужественные поступки?

— Мне приходилось иногда принимать такие решения, которые требовали от меня мужества. Когда я, например, должен был уйти из ансамбля "Люди и кукулы" или оставить свою жену. Тут вопрос стоял очень остро: что мне любить в этом мире — мою любимую женщину или мою любимую профессию?

— А что, была какая-то несовместимость?

— Я же путешествовал, ездил. Ансамбль колесил по всем городам и весям. Мы не виделись месяцами, иногда она, как декабристка, ездила за мной по всем этим дырам, куда меня судьба забра-

сывала. Иногда я выбирал день, все отправляюсь куда-то отдохнуть, а я лечу в Москву, чтобы повидаться с ней. Всему приходит предел, и в конце концов мы подошли к той черте, за которой надо было решать: или я остаюсь дома, или я продолжаю ездить. Я выбрал жену.

— Вы бросили ансамбль, но нашли себя в другом?

— Не сразу, я ведь был четыре года безработным, я вообще не работал. К счастью, небеса меня поддержали, и родилась дочка Ника. Я оторвал ее от груди матери и сам ее воспитывал, сам ее выпестовал в течение трех лет, когда я был безработным. Потом я попал в театр Образцова и был принят в труппу театра. Я отдал ребенка и стал заниматься своей профессией. С тех пор я не знаю, где она. Где-то ходит рядом, я люблю ее очень.

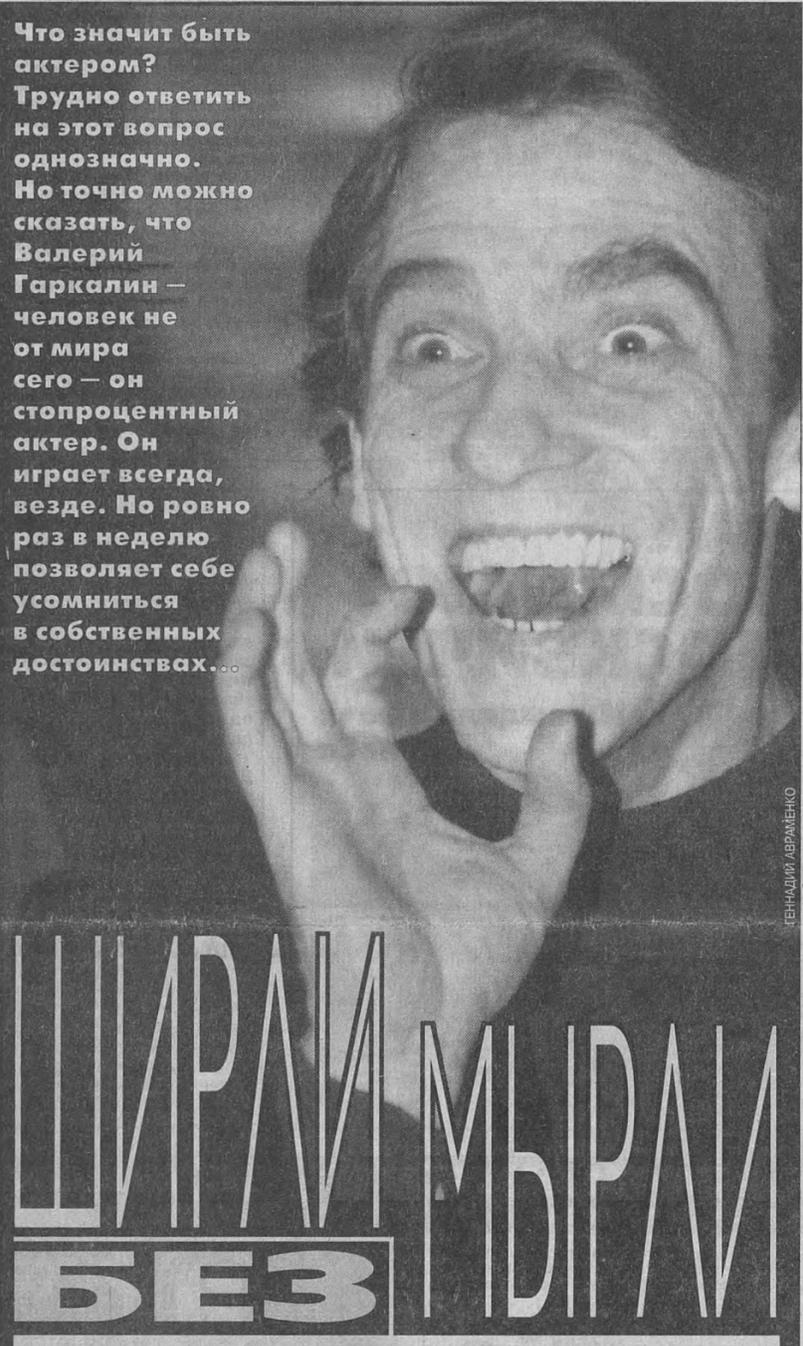
— После Образцова и до "Ширли-Мырли" где вы работали?

— Я проработал там три года и перешел в труппу Театра сатиры. "Ширли-Мырли" возникли, когда я уже был сформировавшимся артистом. И в кино о себе заявил, и в театрах был как-то работы, которые, кстати, Меньшов отсматривал, прежде чем пригласить меня на пробы. Владимир Валентинович много посещает театр, на каждой премьере можно его видеть, он в первых рядах. Он ориентируется свободно в вопросах литературы, современного театрального искусства и так далее. Это человек энциклопедических знаний, я даже пожалелся, откуда он все это знает. Он очень долго меня изучал, рассматривал, на некоторых спектаклях был по два раза, как-то вглядывался в меня особенно. В течение года он пробовав меня на эту

сцену.

— Ну, конечно, веселый.

Что значит быть актером? Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Но точно можно сказать, что Валерий Гаркалин — человек не от мира сего — он стопроцентный актер. Он играет всегда, везде. Но ровно раз в неделю позволяет себе усомниться в собственных достоинствах...

Валерий ГАРКАЛИН: "А на премьере мы сняли трусы..."

картину. Я уже где-то сказал в каком-то интервью, как я пробовав на картину "Ширли-Мырли". Это была такая, знаете, глубокая трагедия с летальным исходом.

— Почему?

— Потому что я просто не выдержал... Когда говорят "стоп" после напряженного съемочного процесса, то я всегда смотрю не на оператора, а на режиссера. Он может мне ничего не сказать, но я по глазам, по выражению его лица понимаю, что получилось, что нет. И тут я вижу Меньшова, его лицо, которое вообще ничего не выражает. Ни нет, ни да, ни плохо, ни хорошо, какое-то странное такое, с тенью безразличности... Я подошел к нему и сказал: "Владимир Валентинович, пока не поздно, наверное, стоит поменять меня, как-то вы не доверяете мне, на доверии все строится". Он тут же мне: "Прежрати, Валер, что ты, я так тебя люблю, ты знаешь, это замечательно, прекрасно работаешь. Ты должен быть уверен сам в себе, и зачем тебе еще и моя поддержка?". Вот такой урок — надо уметь уверовать в собственную непогрешимость.

— И часто вы позволяете себе усомниться в собственных достоинствах?

— Раз, два в неделю точно. Актеры вообще люди чуткие и тонкие. У них очень сильно развито чутье, предчувствие — все, что нельзя объяснить рациональным мышлением.

— Предчувствия вас не обманывают, а что-то потом оправдывается?

— Такие минуты есть в жизни каждого из нас. Я считаю, и в моей тоже, я не исключение. Иногда наступает период, когда воздух заполняется знаками, символами, и ты вдруг понимаешь, что тебе вдруг что-то посылается. Хотя многие, в силу своей костности, отмахиваются и проходят мимо этих знаков, не слышат. Иисус же сказал: "Глаза имеют, но не видят и не слышат", то есть мы слышим и не слышим, мы видим и не видим. Вот это внутреннее зрение и внутренний слух должны быть очень обострены у каждого из нас.

— Какие у вас бывают знаки?

— В мой жизни очень часто было, когда я вдруг понимал, что это не простое стечение обстоятельств.

— А примеры можете привести?

— Когда очень сильно устаешь и понимаешь, что у тебя нет никаких энергетических сил, чтобы справиться вечером со сложной какой-то художественной задачей, понимаешь, что не находишь сил, в этот момент надо очень внимательно осматриваться, где ты находишься, что происходит с тобой, вокруг. Перед тем как выйти на сцену, возникает состояние, когда тебе властно все. Я замечаю, что когда устаешь, на сцене удается больше, интереснее работать, чем если бы говор, собран, внимателен. Все это через рампу вообще не переходит. Зрительный зал представляет тоскливое, скучное зрелище. Бомража совершенно гениально высказался в этом смысле: "Нет более страшного зрелища, чем артист, который пытается тебе доставить истинное эстетическое наслаждение".

— Меня раздражает манера игры некоторых артистов, когда они апеллируют к залу, вкладывают какой-то актуальный смысл в текст, который они произносят. Например, в исторических пьесах. Вы любите играть на зал?

— Пьесы играют в разных жанрах. Иногда зритель является соучастником действия, и его надо призывать к содействию. Этому положило начало Брехт. Это откровенный разговор со зрительным залом. Театр сатиры, где я работаю, — это, как правило, шутка, смех. Это всегда дистанцирование от своего персонажа, чем он дальше, тем он объемней, интересней. Вы сами знаете, лицом к лицу лица не увидать.

— Почему три года после "Ширли-Мырли" у вас не было предложений сниматься в кино?

— Тут ситуация достаточно простая. Меня не осыпали предложениями, звонки вообще не поступали. После "Ширли-Мырли" был 94-й год — самый глубокий кризис в кинематографе, глубже, мне кажется, и не бывает. В "Ширли-Мырли" еще как-то выстояли у пропасти, а потом уже все туда и попадали. И я в том числе, потому что не было денег ни на сценарий, ни на то, чтобы включить свет на киностудии. Тяжелая ситуация в масштабах всей страны, к сожалению, совпала с периодом после "Ширли-Мырли". Потому что, как многие критики утверждают, после того, как снимешься в такой картине, как "Ширли-Мырли", хороших ролей тебе больше не выдать. Мне кажется, что это не так.

— Все-таки вы считаете себя актером какого амплуа, какого жанра? Вы веселый артист?

— Ну, конечно, веселый.

ки, давай дальше работать, потому что черт с ними — они же все-таки сидят в зрительном зале, а мы — артисты, мы должны каждое свое дело сделать до конца. Пусть они до конца досмотрят, а мы до конца доиграем". Потом уже я начал не выдерживать, потому что начали проходиться по поводу моих сексуальных возможностей. У моего героя проблемы с эрекцией — почему-то это женскую часть зала заинтересовало... Тогда я не выдержал и подошел к Тане, и сказал: "Таня, знаешь, я больше не могу". — "Валера, ты непостоянный, давай доведем дело до конца". Вот мы так успокаивали друг друга — и в конце концов доиграли спектакль. Вышли со сцены и поняли, что совершили какую-то чудовищную акцию. В конце концов они написали, там катались бутылки, но я вдруг подумал: а что, из этого и состоит жизнь — что люди могут впасть в безумие и легко из него выйти...

— На таких спектаклях вы работаете в полную силу? Это не есть тот самый чек?

— Мы работаем в полную ногу. Там невозможно играть, как вы выражаетесь, в часовом состоянии. Спектакль идет час двадцать минут, и мы не закрываем рта, не покидаем сцены — полтора часа на сцене. Поверьте: это крайне трудно, тем более — находиться в состоянии героев, которые глубоко страдают.

— Они вам не надоели, Валерий Борисович, своими страданиями?

— Нет. Наоборот, нам хочется им помочь.

— Валерий Борисович, вы где-то говорили, что сатира и настоящее искусство несовместимы и что половину Голливуда надо отправить на свалку...

— Это было сказано в контексте. Есть вещи, которые невозможны в изображении.

— Что это?

— Речь идет о каких-то кровавадных сценах, где все показывается в натуральную величину. Смерть человека или издевательства над ним. Мне кажется, если даже потом это все воздастся замечательным хэппи-эндом, все равно осадок остается.

— Насколько за последние годы померк ореол избранности над актерской профессией?

— Он не померк. Пушкин как сказал, так он и есть: "Нас мало избранных, счастливых праздных, пренебрегающих презренной пользой единого прекрасного жрецов". Эта аксиома остается. Конечно, не Пушкин это сказал — он вложил эти слова в уста Моцарта, — но этого никто не отменял. Раньше, как известно, лицедеи хоронили за оградой кладбища...

— Вы религиозны? Как это проявляется в жизни?

— Ну, я очень часто, так сказать, на ночь молюсь.

— Шутка?

— Нет, не шутка: действительно, я очень часто в жизни прошу прощения за то, что я делаю. Знаете, попробуйте: как только вы попросите прощения своими словами, не надо особенно там заучивать эти, так сказать... Надо просить прощения, раскаиваться в чем-то, в чем ты действительно провинился, или в всякий случай просто... "Ибо я не ведаю, что творю". Как только вы это произнесете, в космос пошлет эту информацию, — поверьте, вам станет гораздо лучше и легче. Я не знаю, может быть, я себе что-то придумываю, но я испытываю облегчение.

— В стране прогрессирует кризис юмора?

— Я считаю, что чувство юмора всегда существует в природе человеческой, оно есть. Человек бывает очень часто нелеп. Например, когда изучает серьезные вещи, а при этом сидит в трусах.

— Абстрактно сидит в трусах?

— Ну да. Или ноги у него в тазу, а он говорит об экзистенциальном и пятку чешет. А вообще про страну мне сказать трудно: я на улице особенно не всматриваюсь в людей. Боюсь остановиться на ком-то взгляд. Как только я остановлю на ком-то взгляд, меня сразу узнают, начинается общение, желание выпить... Поэтому я делаю вид, что я вообще никого не знаю, и вообще я тут один, у меня публичное одиночество.

— Хватит искусствоведения — перейдем к поспе и свежим анекдотам...

— Встречаюся, как обычно, в лесу Красная Шапочка с Серым Волком. И волк говорит: "Я сейчас тебя съем". Она говорит: "Не ешь меня, Серый Волк, — смотри, какая я красивая; смотри, какая у меня красная шапочка; видишь, у меня какой красный фартучек; видишь, какое у меня красное платье; видишь, какие колготки у меня и красные туфельки... Ой, а чего я так нарядилась-то?".

— У вас бывает так, что вы сами себе не верите, прокол в игре? Не дается образ, не идет?

— Бывает, и задача наша — это все тщательно скрыть. Когда это удается, тогда все нормально.

— Сейчас в "Дубровском" сыграли этого чудика, экстрасенса. Достаточно простая роль. И еще эти вы там очень много...

— Нет, он был не простой — он странный персонаж. С одной стороны, ему верят, с другой стороны, он не все правильно угадывает. Я хотел показать его этаким "Чумаком", вроде тех гадалок, которые сидят по телевизору. Я, говорю, Маланья, а у самой такие губы!.. Поэтому у меня такой же женственный получился. С хвостиком и изнеженный. В нем сфокусировалось все то отвратительное, что есть в этом роде деятельности.

— Где бриллиантовые запонки, которые вы получили от...?

— Я положил в шкаф и больше не достаю.

— Вы выяснили их ценность? Они очень дорогие?

— Выяснил: они действительно очень дорогие. Они здесь вообще не имеют никакой цены.

— Почему?

— Потому что рынок перенасыщен.

— Бриллиантами!

— Да. Они бесценны. Где-то в Африке их можно продать за очень дорого. По той валюте. Эти запонки носил Николай Второй — таких других запонки больше нет. Иногда я специально начинал за столом просить передать соль, чтобы показать запонки. Мне давали соль, и никто не обращал внимания, что же было у меня на руках. "Зачем же тогда их носить?" — подумал я. Черт их знает — мне кажется, это не имеет значения для жизни человека.

— Запонки?

— Да вообще бриллианты.

— Вы жене дарите драгоценности?

— Разве что серебряные вещи.

— Но никогда не получаете?

— Получается, когда есть деньги.

— А они есть вообще?

— Как известно — деньги либо талант. Я выбираю талант.

— А вы помните все свои роли?

— Конечно.

— Если бы вам сейчас сказали: надо переснять, не очень получилось...

— Я не стал бы переиснимать. Пусть вышло то, что вышло, — нельзя уже ничего переделывать. Хотя я знаю, что многие актеры так смотрят свои работы: ах, черт, вот если бы здесь другой дубль взяли...

— Вы сейчас работаете у Армена Джигарханяна?

— Нет. Мы с Арменом Борисовичем просто сделали пару спектаклей, и вот сейчас мы готовимся к новой работе, о которой мне трудно говорить. Сейчас у меня три новых театральных проекта, которые я пытаюсь совместить во времени, — мне это трудно удается, но я не могу отказаться ни от одного.

— Потому что они денежные?

— Это потом выяснится, насколько они коммерческие, как публика будет смотреть этот спектакль. Как правило, мне везло: еще ни один проект не пропал как коммерческий, — но тем не менее все равно я выбираю литературный материал. Мне очень важно, какой литературой я владею, потому что первична в театре всегда литература.

— А вы торгуете?

— Ну, бывает.

— По идеологическим соображениям или по материальным?

— Просто по человеческим: мне бывает неприятно, что меня могут унижать какой-то очень маленькой суммой. Иногда люди вдруг теряют всякий стыд и начинают предлагать ну просто унижающие вещи. Не знаю, какая я там звезда или не звезда, но так нельзя поступать с любым человеком. Господи, наша профессия вообще такая стыдная, такая сомнительная, тут все очень зыбко!.. Но никогда нельзя унижать человека, и деньгами — в том числе.

Беседовала Элина НИКОЛАЕВА.